

Людмила Лаврова

ЖИЛА-БЫЛА ВЕРА.

Истории о силе духа,
любящих сердцах
и билете на счастье

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Лаврова, Людмила.

Л13 Жила-была Вера. Истории о силе духа, любящих сердцах и билете на счастье / Лаврова Людмила. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 352 с. — (Рассказы Рунета).

ISBN 978-5-17-165455-9

Людмила Лаврова — российская писательница, лауреат национальной премии «Писатель года» за 2022 год, а также автор канала **Lara's Stories**. Благодаря теплым жизненным рассказам, основанным на реальных историях, страница Людмилы в Дзене занимает лидирующие позиции по количеству прочтений, а число ее подписчиков уже более 190 тысяч.

«Жила-была Вера» — это сборник рассказов о силе и мужестве, верности и любви, которые помогают жить и побеждать. На страницах книги вас встретят истории, которые покажут, что даже в самые тяжелые моменты вера и надежда могут стать проводниками к светлому будущему. На примере главных героев вы убедитесь, что, несмотря на все трудности, любая ситуация разрешима, если есть вера в себя, в свою семью и в тех, кто рядом.

«Как всегда, душевно и с надеждой! Спасибо!»

«Дорогая Людмила, очень давно на вас подписана. Еще ни один рассказ не удалось прочитать без слез. У вас Дар. Спасибо за ваше творчество!»

Отзывы читателей

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-165455-9

© Лаврова Л. текст, 2024.

© ООО «Издательство АСТ», 2024.

*Моему мужу с любовью...
Спасибо тебе за поддержку и за то,
что всегда в меня верил!*

Горошки для Антошки

— А это у тебя что?

Крошечный любопытный нос просунулся в щель между досками свежевыкрашенного забора, и Полина вздрогнула, чуть не выронив из рук ткань. Ярко-алая, в мелкий горошек, нежная и легкая как перышко, она была такой нарядной, радостной, что Полина не удержалась и купила отрез, хотя денег было впритык и она догадывалась, что Семен этого не одобрит.

Муж у нее был строгий. На наряды и «женские капризы» денег выдавал немного, да и то после того, как мать его, свекровь Полины, попрекнет.

— Что это ты, сынок, бабу свою в черном теле держишь? Аль, она не женщина?! Другие-то все нарядные, а твоей, знать, не надо?

Любовь Григорьевна, мать Семена, невестку жаловала. Почему нет? Уважительная, всегда поможет, если надо что по хозяйству, да и ласковая. Этого не отнять. Мамки-то не знала, вот и тянется. А Люба что ж? Два сына, а пожалеть ведь и некому. Жизнь прожила — меду досыта не наелась. Муж обижал, детей против нее настраивал. Вот и получилось, что как его не стало, прислониться-то

и не к кому. Другая невестка далече, да и гордая больно. Городская... С мужниной простой родней знаться не желает. И Полинка — вот она. Прибежит:

— Мам, чем помочь?

И теплеет на сердце. Ведь видит Люба, не силком это, не по обычаю. От сердца ее Полина матерью-то зовет. И как тут не ответить добром? Тем более, знает Люба, несладко Полине с мужем живет. Неласковый у Любы сын получился... Себе на уме и даже если скажешь что — слушать ведь не желает...

Семена разговоры с матерью выводили из себя, но Полина давно поняла, что если промолчать, а вечером нажарить картошки и нарезать домашнего сала, которое в селе никому так не удавалось, как ей, то, глядишь, муж и подобрет. А там и на обновы денежка найдется.

Мужа Полина жалела и уважала. Хозяин. Все в дом. Хозяйство ведет так, что все в селе обзавидовались. А чему завидовать? Трудно ведь это. На печи лежать такого не наворочаешь. А у них, слава Богу, и коровы, и овцы, и птица всякая. Да огородина, да бахча. Когда тут в обновках щеголять? Дело делать надо!

Но ведь хочется... Молодая ведь еще! Тридцать не натикало. Самое время жить да радоваться. А не получается...

Виновата Полина перед мужем. Сильно виновата. Детей не дала... Опору... Что это за семья, если в ней детских голосов не слышать?

То ли природа ее как женщину обделила, то ли еще что... А только не может Полина родить... Уж и к доктору в город ездила, а все зря. Семен ее не попрекает, молчит пока, но смотрит так, что и без всяких слов ясно — не того он от Полины ждал... Или кажется ей...

Спроси сейчас кто-нибудь Полю, почему она замуж за Семена вышла — плечами пожмет. Полюбила, наверное... Кто ж без любви нынче под венец ходит?

Только вот не помнит Полина уже особо, какая такая любовь у нее с Семеном была. Как гуляли под луной и шептал Семен ласковые слова ей на ушко. Было ли оно вообще? Кто-то скажет — как забудешь такое?! Ведь первый и единственный! А Полина, и правда, не помнит. Может быть потому, что не было между ними особой ласки? Она девчонкой совсем была. Едва-едва семнадцать сравнялось. А Семен уж в армии отслужил и работал вовсю. Увидел Полинку на танцах, без особых прелюдий отвел в сторонку и выдал:

— Пойдешь за меня?

А Поля, которую до этого дня бабушка да отец от себя ни на шаг не отпускали, не нашлась что ответить. Стояла столбом да моргала чаще, чем обычно. Вот Семен и решил, что возражений у Полины не имеется.

— Через год свататься приду! Блюда себя!

И такая сила была в его словах! Такая уверенность... Полина не нашлась, что ответить. Да он и не ждал. Развернулся и вышел из клуба. Даже не оглянулся ни разу.

Полина об этом странном разговоре через некоторое время и думать забыла, а Семен помнил. И едва Поле восемнадцать сравнялось — приехал свататься.

Отец Полину отговаривал. Бабушка тоже. Молодая еще, погуляй! Да и учиться тебе надо.

А подружки в один голос твердили:

— Если так долго ждал, то любит! Что тут думать — глупая! Можно подумать, такие женихи на дороге валяются!

Полина слушала подруг, и сама уже начинала верить, что Семен ее так любит, что повел себя как настоящий рыцарь. Дождался. Слово сдержал. Не забыл ее...

В общем, согласие на брак Полина дала. А после, когда поняла, что, возможно, ошиблась, напрочь запретила себе думать о том, как могло бы все сложиться, не дай она слабину. А какой смысл жалеть? Все уж сделано!

Так и жили.

Семен мужем оказался неплохим. Только очень уж прижимистым. Жадным не был, нет. Но деньги любил и считать их умел. Впрочем, там, где дело касалось чего-то серьезного — никогда Полине не отказывал. Когда один за другим ушли сначала ее бабушка, а потом и отец, все расходы Семен взял на себя, мягко попрекнув жену, что не сказала сразу, сколько и чего нужно, а обратилась сначала к свекрови.

— Зачем к матери пошла? Или я зверь какой, Поля? Все сделаем честь по чести. Родня ведь...

Полина, черная от свалившейся на нее беды, только и нашла в себе сил, что обнять мужа. И, странное дело, не щедрый на ласку Семен, прижал вдруг ее к себе, глядя по голове, зашептал что-то, успокаивая, и Полина оттаяла. Легче стало...

Таких моментов в ее жизни было всего ничего, но она их все наперечет помнила. Складывала под крепкий замочек в памяти, боясь потерять, упустить хоть одно. Ведь человеку без любви нельзя. Душа костенеет. А любовь ведь из таких вот минуток и складывается. Плохо будет тебе — достань такую памятку, тронь легонько, оживляя, и легче станет. Потеплеет душа, забьется снова. Полина эту истину давно поняла, а потому хранила такие моменты, как самое дорогое.

Семен о ее секретах ничего не знал. Просто удивленно моргал, когда жена вдруг улыбалась ему ни с того ни с сего прямо посреди выговора или ссоры, и крутил пальцем у виска:

— Блаженная ты у меня, Поинка! Не иначе! Чего лыбишься-то? Иди на стол собирай! Мужик с работы, а она скалится... Что ты за человек?

На этот вопрос Полина мужу не ответила бы. Она и сама себя толком не знала. Вроде не плохая, но и хорошей назвать себя язык не поворачивался. Кто ж себя хвалит? Вот если люди — тогда другое дело! А саму себя хвалить ведь неправильно как-то...

— Ты у меня красивая!

Полина прятала глаза, слыша такое от мужа. Вот уж новости! Да любая красотой порадует, если туфельки на ней новые да платье справное!

И хоть зеркало и шептало Полине, что хороша она еще, верить ему женщина отказывалась. Подумаешь — красавица нашлась! Лучше бы вместо этой красоты небо ей ребеночка подарило! Уж как бы она благодарна была! И никогда о красоте своей не пожалела бы!

Но не зря видно люди говорят — бойся своих желаний... Полина слышала, конечно, это выражение от бабушки, но никогда не думала, что ей доведется его на себе испытать...

— Что это? Красивенькое...

Чумазая мордашка прижалась к доскам забора, и Полина ахнула.

— Измажешься! Краска еще совсем свежая!

Семен никогда не делал ничего наполовину и забор красил очень тщательно даже между досками.

Девчушка, лет пяти на вид, отпрянула от забора и засмеялась, потирая испачканный нос. Ее смех колокольчиком зазвенел в полуденной тишине, и Полина вздрогнула вдруг почему-то, слушая эти переливы.

— Ты откуда взялась? Чья такая?

Полина наскоро свернула ткань и подошла ближе к забору. Сумки, так и не разобранные, остались валяться у крыльца.

— Я — Антошка.

— Как?! — Полина удивленно подняла брови. — Так мальчишек зовут. А ты девочка... Антонина, что ли? Девочка кивнула.

— Понятно. Ну здравствуй, Тонечка. А ты чья?

Полина повторила вопрос и только тогда сообразила, что он был вовсе и не нужен. Ведь накануне Семен ей рассказывал, что в соседний дом, который долгие годы стоял заколоченный, въехали новые жильцы.

— Я — мамина. Только она меня не любит.

— Почему ты так говоришь?

— Она меня выдрой зовет и красивенькое не покупает. Дай!

Тонкие грязные пальчики просунулись между досками, и Полина проворно отдернула ткань.

— Не тронь! У тебя ручки грязные! Иди-ка лучше, вымой их и приходи ко мне. Я тебя вареньем угощу!

— Не надо! У нас свое есть!

Девчушка обиженно надулась и отпрянула от забора.

— Я тебе покажу ткань. Только давай не будем ее пачкать. Как я потом платье сошью из грязной? Некрасивое будет.

Антонина поразмыслила чуток и кивнула.

— Некрасивое... А мне сошьешь?

Полина растерялась. Детский вопрос был таким простым и непосредственным, что она не сразу нашла, что ответить.

— Посчитать надо... Хватит ли. Я с запасом брала, но маленьким.

— Посчитай!

Это была уже не просьба, а прямой приказ, и послушаться его Полина не посмела.

Антошка, покрутившись еще немного у забора, убежала, а потом вернулась мокрая с головы до ног и румяная как наливное яблочко.

— Ты что, в колодец нырнула?! — Полина, которая успела свернуть ткань и готова была уже уйти в дом, ахнула.

— Нет! В бочку!

— В какую бочку?!

— В какую вода с крыши капает. Мамка ругается, когда я в нее ныряю, но она не видела.

— А где мама твоя?

— Спит!

Полина растерялась.

— А почему она спит? — осторожно спросила она у девочки.

— Так гуляли они вчера, вот и спит.

Ответ Антошки был таким беззаботным и, казалось, привычным, что у Полины мурашки побежали по спине. О том, что творилось у соседей, она не знала. Участки, на которых стояли дома на их улице, были большими и нужно было сильно постараться, чтобы услышать, что происходит в доме соседей.

Антошка совершенно не поняла, почему Полина застыла вдруг, странно глядя на нее.

— Ты чего?! Эй! Ты мне варенье обещала и красивенькое показать! Пойдем!

Как во сне Полина подошла к калитке, которая была зачем-то сделана в заборе еще до того, как они с Семеном купили свой дом, и отодвинула засов.

— Иди сюда.

Антошка, хлюпая старенькими сандаликами, которые, видимо, не стала снимать, когда ныряла в бочку, прошествовала во двор Полины и по-хозяйски направилась к веранде.

— Что это ты сумки бросила? В городе была? Мамка тоже ездила недавно. Я просила конфету привезти. Большую такую, знаешь? Но она сказала, что денег нет. А у тебя конфета есть?

Полина, наконец, очнулась и засуетилась.

— Есть конфета. И не одна. Только сначала я тебя кормить буду. Есть хочешь?

— Хочу! И конфету хочу! Ты мне сначала конфету покажи, а то знаю я! Обманешь...

В голосе девочки было столько обиды, что Полина, не задумываясь, вытряхнула из сумки пакет с конфетами, привезенными Семену, который был большим охотником до шоколада, и вручила его девочке:

— На!

— Все мне? — деловито осведомилась Антошка, не веря своему счастью.

— Тебе-тебе! Только не все сразу, а то живот болеть будет.

Девочка быстро кивнула и вдруг сорвалась с места, крикнув уже на ходу Полине:

— Я сейчас!

Вернулась она уже без конфет и, чинно усевшись за стол на просторной Полининой веранде, командовала:

— Красивенькое покажи!

Полина развернула перед ней ткань, и ребенок застыл, осторожно касаясь все еще грязными ручонками яркого шелка.

Полина успела разогреть обед и навести порядок на кухне, а Антошка все так же сидела, глядя на белые горошины на алом фоне и что-то шепча себе под нос.

— Ну будет! — Полина потянула на себя край ткани, и Антошка отдернула руки, словно испугавшись чего-то. — Не бойся! Что ты? Я просто сверну ее, а то тарелки ставить некуда.

Накормив девочку, Полина принесла свою шкатулку для рукоделия и поманила к себе Антошку.

— Иди сюда! Мерки снимать будем.

— А зачем? — Антошка с любопытством уставилась на шкатулку, которую открыла Полина. — Что у тебя там?

— Много чего. Нитки, иголки всякие. Наперсток бабушкин. Ножницы еще. Все, что для шитья нужно.

Антошка послушно повертелась, позволяя снять Полине мерки, а потом чуть ли не с головой зарылась в недра шкатулки, осторожно перебирая катушки с нитками и разноцветные пуговицы.

Чей-то голос выкрикнул ее имя раз, потом другой, и девочка нехотя оторвалась от своего занятия, ворча:

— Проснулась!

Не прощаясь, она заскакала было по ступенькам, но обернулась, словно что-то вспомнив, и, глядя на Полину темными как вишенки, глазами, спросила:

— Я еще к тебе приду! Можно?

— Приходи! — Полина кивнула.

Антошка давно уже ушла, а Полина все сидела, держа в руках сантиметровую ленту, которой снимала мерки, и ревела.

Ревела так, как не делала этого с того самого дня, когда, попросившись с отцом, поняла, что осталась совсем одна. Конечно, был Семен и его семья, но из родных у Полины не осталось больше никого, и ничто на свете уже не могло изменить этого факта. Детей у нее не будет, а значит, нужно держаться мужа и доживать жизнь по-человечески. Чтобы не упрекнуть себя ни в чем и, если правду говорят, что «там» что-то есть, встретиться после с теми, по кому так тоскует теперь душа.

Наревевшись, Полина наскоро приготовила ужин и разложила на полу ткань. Кроить она никогда не любила, но без этого платья не сошьешь, а, значит, придется.

Потоптавшись вокруг тщательно разглаженного лоскута, раскладывая выкройку то так, то этак, Полина поняла, что на ее задумку ткани хватит, и принялась за дело.

Семен, вернувшись с работы, только одобрительно хмыкнул на вопросительный взгляд жены.

— Нарядная будешь.

Полина, облегченно вздохнув, накрыла на стол и осторожно спросила у Семена:

— Сёма, а что за люди соседи-то наши? Знаешь, аль нет?

То, что она услышала, ей вовсе не понравилось.

— Люди как люди. Пока не понятно. Время покажет. Вроде как за воротник заложить любят, а там — кто его. Посмотрим.

— Девочка у них... Маленькая такая... Шустрая...

Семен дернул щекой, строго глянув на жену:

— Не привечай ее, Поля. Не травми себе сердце. Привяжешься, а они подадутся дальше. Люди говорят, что они живут как перекасти-поле, то тут, то там. Нигде надолго не задерживаются. Вот и подумай, надо ли оно тебе. Я ведь знаю, ты, пока меня дома нет, всех окрестных ребятишек привечаешь. Я ничего, ты не думай. Дело твое. Но эту девочку — не надо. Понимаешь?

— Понимаю... — Полина нахмурилась, но кивнула.

Но от затеи своей отказываться все-таки не стала. И пару дней спустя Антошка по-хозяйски толкнула калитку, протопала к дому, где Полина, сидя на ступеньках веранды, пришивала пуговичку к воротнику, и потянула на себя пояс платица.

— Это мне?

— Тебе...

— Красивенькое... А ты мне его отдашь?

Полина, перекусив нитку, расправила ткань, любясь полученным результатом, и кивнула.

— Конечно! Для тебя ведь шила.

Антошка как-то очень серьезно кивнула и тут же стащила с себя грязную маечку.

— Дай!

— Ну уж нет! — возмутилась Полина, глядя на тщедушное тельце ребенка. — Сначала мыться! А потом уже наряды!

Антошка спорить не стала. Покорно дала себя выкупать, с удовольствием плещась в большом тазу и поминутно ойкая, когда Полина пыталась промыть ее спутавшиеся темные кудряшки.

— Потерпи немножко! Будешь самая красивая!

Закутанная в большое полотенце, девочка терпеливо ждала, пока Полина отгладит платье.

— А это что? — Антошка с любопытством разглядывала пакет, который Полина принесла из своей комнаты.

— Это... — Полина вдруг смутилась, но все-таки достала белые трусики и носочки, купленные накануне. Следом за бельем из пакета появились новенькие сандалики, и Антошка взвыла от восторга, разглядывая лаковые ремешки и блестящие пряжки.

— Нравится? — Полина рассмеялась вслед за девочкой.

Но смех ее тут же оборвался, когда она увидела, как Антошка отдернула руки от подарка.

— Что ты?

— Мамка заругает...

Девочка чуть не плакала, глядя на недоступную «красоту», которая лежала перед ней, сверкая алым лаком и маня примерить.

— Не бойся, Тонечка! Не заругает! Я поговорю с ней...

Полина не договорила.

Антошка взвилась вдруг над стулом, на котором сидела, и замотала головой:

— Нет! Нет! Не надо!

Впервые Полина увидела такой испуг у ребенка. И не думая уже, что делает, она подхватила девочку, обнимая и ловя губами слезы Антошки:

— Не плачь! Только не плачь, маленькая! Не бойся!

Утешать Антошку пришлось долго. Она, всегда такая деловитая, знающая все лучше взрослых, сидела теперь на коленях Полины и редела, как самый обычный ребенок, всхлипывая и чуть заикаясь от обиды.